

БЕЖ
Рина

Неудержимый
НАХАЛ
и Я

Рина Беж

Неудержимый нахал и я

«Литнет»

2024

Беж Р.

Неудержимый нахал и я / Р. Беж — «Литнет», 2024

– Ты?! – восклицаю, встречаясь взглядом с татуированным засранцем с заправки. – Ты?! – вторит он мне, как послушное эхо. – Кусок идиота! – рычу, сжимая кулаки. – Истеричка! – припечатывает он, прищуриваясь. Я? С чего это я истеричка? С того, что он меня грязью окатил? От шока замираю, только воздух хватаю губами, а татуированный, вместо того чтобы свалить в туман, вдруг предлагает: – Садись, недоразумение, домой тебя отвезу. – Да иди ты к черту, водЯтел! *** Спасаясь от угроз злопамятного любовника, срочно прикрываю почти разрушенный им бизнес и уезжаю на малую родину. Мечтаю отдохнуть, зализать раны, начать жить сначала. Но дома вместо тишины и покоя поджидают неприятные сюрпризы. Порой опасные для жизни. Татуированный нахал, что постоянно появляется поблизости, неожиданно протягивает руку помощи.✓#Важно! Книга содержит нецензурную лексику, откровенные постельные сцены. ✓#Строго 18+ ✓#ОДНОТОМНИК ✓#Хэппи-энд гарантирован

© Беж Р., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Визуал	9
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

– Ты?! – восклицаю, встречаясь взглядом с татуированным засранцем с заправки.
– Ты?! – вторит он мне, как послушное эхо.
– Кусок идиота! – рычу, сжимая кулаки.
– Истеричка! – припечатывает он, прищуриваясь.
Я? С чего это я истеричка? С того, что он меня грязью окатил?
От шока замираю, только воздух хватаю губами, а татуированный, вместо того чтобы свалить в туман, вдруг предлагает:
– Садись, недоразумение, домой тебя отвезу.
– Да иди ты к черту, водЯтел!

Спасаясь от угроз злопамятного любовника, срочно прикрываю почти разрушенный им бизнес и уезжаю на малую родину. Мечтаю отдохнуть, зализать раны, начать жить сначала.
Но дома вместо тишины и покоя поджидают неприятные сюрпризы. Порой опасные для жизни. Татуированный нахал, что постоянно появляется поблизости, неожиданно протягивает руку помощи.
✓#Важно! Книга содержит нецензурную лексику, откровенные постельные сцены.
✓#Строго 18+
✓#ОДНОТОМНИК
✓#Хэппи-энд гарантирован

КИРА

– Девушка, что вы творите? Вы что совсем в зеркала не смотрите? Вы какого черта стали сдавать назад?

Обрушивается со спины рокочущий обвинениями голос.

Распахнув водительскую дверь, выпрыгиваю на асфальт. Бросаю мельком взгляд на крикуна и иду к заднему бамперу своей машины, куда он косится.

Так-так-так... Разглядываю... мото-что-то.

Двухколесное странноватое нечто неопределенного цвета, из-за клякс и налипшей кусками грязи точно не разберешь, раскорячилось на асфальте аккуратно позади моего мерса. И вот пойми – не то это транспорт, не то стащенный в кучу хлам для сдачи в металлолом.

Меня из-за этого недоразумения упрекают?

Хмурюсь, неторопливо проводя языком по верхним зубам.

Не хочется думать, что, отмотав семьсот с лишним километров, совершив практически подвиг – сев за руль в одиночку и проехав за ночь так много, преодолев страх, неуверенность, дикое волнение и коронное «не осилю» ... – пофиг, что реактивным топливом рвануть на такое гигантское расстояние послужили разбушевавшиеся эмоции, – я завалюсь на какой-то ерунде.

Точнее, ерунда завалится позади моей машины. А хозяин этой, хм, кучки будет возмущенно пыжиться.

Будто сговорились все!

Не иначе закон подлости. Других идей нет.

Расслабилась, называется, раньше времени. Увидела надпись родного города на табличке, в красках представила, как минут через десять въеду в до боли знакомый двор, припаркуюсь рядом с папкиным авто, взлечу, ну ладно, вползу, по лестнице на пятый этаж и крепко-накрепко обниму любимого родителя, как на тебе – попала в переделку.

Осматриваюсь вокруг. Лето. Солнце. Жара. Окей, про жару ныть пока рано. Припекать не начало.

Но суть в другом.

На часах семь утра. Воскресенье, чтоб его. Выходной день. На заправке кроме меня и этого недовольного никого нет. Кассирша на АЗС – не в счет.

А еще есть четыре колонки. Восемь заправочных мест.

Восемь, блин!

С какого ляда, спрашивается, этот ворчун, затянутый в кожу, своё *хрен-пойми-что* припарковал именно за мной? Да еще так близко прижал, почти впритык – в слепую зону – что я, ни выходя со станции, не заметила, ни в зеркало заднего вида не разглядела.

Другого места не нашел, гад этакий?!

И, главное, когда успел всё проверить? Пока я в помещении у кассы была? Или на минутку в санузел отлучалась, руки и лицо сполоснуть?

Впрочем, не суть.

Он сделал. А мне разгребать.

Всё это и еще пара непечатных фраз мелькает в голове за доли секунд, я же, еще раз глянув на мужика и невольно скривившись – когда он снимает перчатки и расстегивает косуху, в глаза бросаются татуировки на кистях рук и шее – акцентирую внимание на... пусть будет – мотоцикле... и пытаюсь сообразить, что все же произошло?

Даже если представить, что я его задела бампером, то сделала это очень аккуратно. Так слабенко, что даже удара не почувствовала, как и отдачи от столкновения.

Я и тормознула-то лишь потому, что услышала в открытые окна неясный грохот и следом вопли этого... татуированного...

Отсюда вопрос. Так, может, этот стремный двухколёсник сам по себе грохнулся?

Ну а вдруг?

Ругаться жуть неохота. Заранее сыта по горло, как говорится. А разругать побыстрее хочется. В идеале – по-человечески.

Потому поворачиваю голову к возмущающемуся водителю, надвигающемуся со стороны павильона АЗС, и со всей искренностью, которую в себе наскребаю, произношу:

– Ради бога, простите, – и добавляю, чуть помедлив. – Кажется, он сам упал.

– Когда кажется, креститься надо! – летит мне в ответ.

М-да, начало многообещающее.

Стараюсь сильно не кривиться и перехожу к главному:

– Но никто ж не пострадал...

– Никто... – повторяет следом за мной ворчун.

Стягивает с головы шлем, и я с удивлением понимаю, что это не мужик, как предположила по мускулистой фактуре, а парень. Окей, молодой мужчина, успевший обжиться татушками и дурным нравом, потому что вместо раскуривания трубки мира он пренебрежительно так вопрошает:

– Может, я вам за это еще спасибо сказать должен?

Хам смеряет меня долгим оценивающим взглядом.

Скользит по лицу, шее, груди. Встает на паузу. Стекает ниже по животу к бедрам. Снова замирает. Ненадолго. Дальше по ногам до самых мысков летних туфелек с открытыми носами, откуда выглядывают покрытые ярко-желтым лаком пальчики. Медленно возвращается вверх. К лицу.

Ухмыляется, будто меня голой заценивал, а не в платье и накинутой поверх него тонкой ажурной кофте. Последнюю пришлось надеть, чтобы скрыть синяки на руках.

Мысленно заставляю себя дышать ровно.

Не хочу конфликта...

Не хочу, честно...

Семь с лишним часов по неосвещенной большой частью ночной трассе и без того вымотали. Устала прилично. Потому единственное желание – поскорее разругать назревающий конфликт, доехать до отчего дома, упасть на кровать и вырубиться.

В тишине.

В покое.

В благоприятной обстановке.

И уж никак не воевать с возбужающим от недовольства неандертальцем из-за сущей глупости. Подумаешь, завалился его немывтый чудо-юдо. Ничего ж страшного не случилось. Жертв нет. Да и будем откровенны, на вид – это не мотоцикл, а так, полное фуфло, которому падение вряд ли грозит чем-то опасным. Может, у него подножка сгнила, вот собственного веса и не выдержал?

Оставляю умные мысли при себе, все еще мечтая разойтись миром, и, не повышая голоса, спокойно повторяю:

– Но он сам упал.

– Сам? Упал? – переспрашивает мотоциклист недовольно.

Подходит к своему двухколесному недоразумению. Осматривает.

– А это что? – тычет пальцем, на что-то указывая.

Делать нечего. Приближаюсь. С сомнением разглядываю небольшую черкотинку...

– Ну простите, конечно... – выдыхаю.

В первую секунду думаю, что развод. Тупая автоподстава.

Кошусь на свою машину, чтобы удостовериться – там все идеально, и кривлюсь – похожая цапапина не оставляет шансов.

Зло берет. Желание быть милой – отпадает напрочь.

Оцениваю собственный ущерб из-за этого любителя притираться поближе к дорогим тачкам, и фырчу:

– Да один мой бампер дороже стоит, чем весь ваш драндулет в целом.

Кажется, мой оппонент в споре обалдевает.

– Драндулет? – переспрашивает хрипло после весьма продолжительной паузы.

И столько незамутненного удивления в глазах, куда деваться?..

Будто я его в лучших чувствах оскорбила, зацепив за живое. Покусила на святое и неприкосновенное.

– Я на мой драндулет сам заработал... в отличие от вас, – кидает он резко, глядя сначала на меня саму, а после на мой кроссовер.

– Что?

Приходит моя очередь недоумевать.

Он действительно сказал то, что сказал? Мне не послышалось завуалированное и так любимое мужиками слово «насосала»?

И будто читая мысли этот индюк расписной продолжает...

– Я говорю: не знаю, перед кем вы там своим бампером виляли, чтобы вам машину купили... и видимо вместе с правами... но зря тот чел это сделал.

Мне купили? За мой бампер?

Этот паразит совсем офонарел?!

Последние крохи терпения растворяются, как сахар в кофе.

Желания поспать – ни в одном глазу. Зато поставить зарвавшегося наглеца на место – хоть отбавляй.

– Да как вы смеете?! – обливаю его презрением вперемешку с негодованием.

Только без толку. Он и не смотрит.

Вытаскивает из кармана кожаной косухи телефон, жмет на кнопки, снимая блокировку, и озвучивает, что собирается делать...

– Всё, вызываем полицию...

Полицию?! Из-за какой-то фигни, которая на его рухляди и так незаметна?! Чтобы тут как минимум часа два-три проторчать?

Он идиот или как?

– Нет у меня времени на ваш драндулет...

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и топаю к водительской двери. Распахиваю ее, тянусь к сумочке, вытаскиваю кошелек.

Кажется, наличка в нем все же была.

Внутри клокочет так, что руки ходуном ходят. Да что там – всю потряхивает. Аж сердце в горле тарабанит.

Бампером я виляла... ну надо же! Выказался.

Да чтоб у него...

Слава богу, с наличкой не ошибаюсь. В отдельном кармашке на всякий случай засунуты три пятитысячные. Комкаю их гармошкой и так же стремительно как уходила, возвращаюсь к скандалисту, у которого язык без костей.

– Вот. Это всё, что у меня есть, – протягиваю ему деньги.

– Уберите, – отступает, не глядя.

– Нет уж, возьмите.

Сую снова.

– Я сказал: не возьму ваши деньги, – фыркает, отворачиваясь.

Поднимает свой драндулет с асфальта, ставит на подножку, садится на него и снова утыкается в телефон, клацая по виртуальным кнопкам.

Я что? Стена? Пусто место? Никто?

Вновь наваливается усталость. И вместе с ней злость.

Нервы окончательно сдают.

Брать он не хочет?! Ишь ты, баран упертый.

Только фиг я отступлю!

Подхожу ближе и с хлопком опускаю купюры на топливный бак...

– Нет, вы возьмете! – рявкаю, готовая в этот миг даже пойти дальше.

Нет, в задницу, конечно, не засуну, но в карман – да.

И, о чудо, наконец, он опять меня замечает.

– А... всё-таки я угадал, – усмехается презрительно, убирает гаджет в сторону и, не скрывая торжества в глазах, обличает. – Деньгами, дамочка, разбрасываетесь... Ну ясно, папик же еще подкинет...

– Что?

Зависаю на целую секунду. Или две... три... пять...

Папик? Он меня в содержанки определил? Насосалки?

Вот же паразит бессмертный!

Терпение лопается.

– Да что вы вообще можете обо мне знать? – вопрошаю, прожигая ненавистью. Ловлю наглую усмешку и припечатываю. – Хам!

– Стерва! – летит в спину.

Не желая слушать гадости, которыми и так сыта по горло, возвращаюсь к своей машине и забираюсь в салон.

Пошел он к черту!

Медленно. Быстро. Хоть приставными шагами. Пошел. Он. К чёрту!

Пусть вызывает кого хочет. Хоть полицию, хоть Президента, хоть папу Римского. Пусть сидит и всех их ждет, теряя время.

Мне всё равно. Я поехала.

Визуал

Кира Аркадьевна Мельникова, 32 года, по образованию бухгалтер. Вернулась из Питера домой из-за весьма неприятных обстоятельств.

Максим Олегович Чистяков, 27 лет будет в выходные. Стантер и не только.
Брутален, горяч и...

Глава 2

КИРА Очень хочется выплеснуть клокочущее внутри негодование через агрессивную езду. Врубить колонки на полную мощь, вдавить педаль газа в пол и с пробуксовкой сорваться вперед. Так лихо и дерзко, чтобы оставшийся позади мужлан пыль глотал.

Но заставляю себя быть выше этих дурацких ребяческих поступков и плавно трогаюсь с места. Доезжаю до выезда на основную трассу и бросаю мимолетный взгляд в зеркало заднего вида. Сидит, все так подвисая в телефоне, и ухом не ведет.

Ментов вызванивает? Ну, удачи.

Права мне купили... Хм, надо ж было такую чушь ляпнуть. Хотя, если по себе судит...

К черту его!

Десять минут с остановками на паре светофоров, и вот я уже въезжаю в до боли знакомый двор.

Не была здесь два с лишним года. С тех пор, как мама умерла. А ничего практически не изменилось.

Те же кусты волчьей ягоды возле качелей. Маленький игровой комплекс из лесенок, горки и турникета с барабаном под ним, скрипящим на всю округу. Вот и сейчас какой-то мальчонка, усердно перебирая ногами, пытается его раскрутить, а по итогу лишь насилует уши окружающим пронзительным дребезжанием. И три широкие лавки, врытые буквой П, под раскидистой черемухой у соседнего подъезда.

Последние особо примечательны. На них мы еще ребятней с утра до ночи каждое лето резались в карты. А после тусили подростками. Даже когда выросли и в клуб стали бегать, на танцульки, как папка любил сказануть, нет-нет да собирались.

Поморщившись от скрипа, вызывающего зубную боль, – из-за духоты все окна в машине открыты – осматриваюсь. И зависаю. Надо с парковочным местом определяться, а свободных-то и не видно.

Всё кругом заставлено ровными рядами иномарок и кое-где выглядывающим советским автопромом. Даже под деревьями, где вместо асфальта давно утоптаный грунт. Исключение – промежутки с растянутыми веревками для сушки белья. А так – плотненько.

И это, пожалуй, именно то, что действительно изменилось. Раньше столько машин не было.

Заметив отцовского ровера в крайнем дальнем ряду и оценив обстановку, решаю встать рядом с ним и прижаться поближе. Сама вылезти смогу, другим проезд не перекрою. Да и папка точно не заругает, что миллиметровщицей подрабатываю. Он же меня сам, как никак, обучал правильной парковке. Так сказать, отшлифовывал навыки до идеала, когда в автошколе права получила.

Заглушив двигатель, покидаю салон. С заднего сидения выхватываю дорожную сумку, одну из трех, в которых привезла большую часть своей жизни за последние несколько лет, и уверенным шагом направляюсь к подъезду.

Ключи, припасенные заранее, держу в руке. Домофоном не пользуюсь.

Папке сюрприз сделаю.

Надеюсь, радостный. Мы с ним пусть и немного отдалились, каждый по-своему переживая кончину мамы, которую оба безумно любили, но связь не потеряли и по телефону несколько раз в месяц непременно созванивались.

Он мне про свой автосервис рассказывал, на который переключился, чтобы не закиснуть от горя в четырех стенах, и рыбалку. Я ему про свой маленький недавно созданный бизнес – аутсорсинговую бухгалтерскую контору и мысли остаться в Питере насовсем. Как и о том, что стала присматривать квартирку и обдумывать возможность ипотеки.

Квартирку... м-да... есть бог на свете, и он меня удивительно вовремя от сделки отвел. Если б я все же впряглась в покупку и сейчас на мне висел кредит по жилью – не представляю, как бы крутилась. Однозначно, было бы в разы сложнее. А так... интересно, многие ли домой, в захолустье, из миллионников возвращаются?

Мотнув головой, отбрасываю лишние думы и вставляю ключ в замочную скважину. В последний момент все же решаюсь предупредить отца. А то вдруг решит, что грабители в личине скрываются, и дробовик возьмет. Будет нам и смех, и грех. Жму на кнопку звонка.

Динь-дон еще оседает на барабанных перепонках, а я уже распахиваю дверь.

Вваливаюсь внутрь, затаскивая сумку, уже порядочно оттягивающую плечо. Пусть не гири, но шмоток я наложила внутрь достаточно. Громко оповещаю:

– Пап, это я, Кира.

Тишина в ответ не напрягает.

Может, спит крепко? Или на балконе?

Но то, что дома по-любому, даже не сомневаюсь.

Аркадий Львович у нас из тех редких людей, кто даже в булочную за хлебом в соседний дом на машине ездит, игнорируя пешее передвижение. Мамочка часто из-за этого над ним подшучивала, а он... а он соглашался: «Да, Леночка. Такой я у тебя ленивец», подмигивал и в щеку ее целовал.

Они у меня вообще суперродителями всегда были. Никогда не ругались. Всегда вместе за руку или под руку. С улыбочкой. Душа в душу.

А потом как гром среди ясного неба – онкология. Мама угасла буквально за несколько месяцев. И папка сдал. Постарел и ссохся.

Думала... ох, о плохом я тогда думала, что следом за ней уйдет, не сможет один. Но мама, она будто это предчувствуя, с него слово взяла – жить и внуков воспитывать. Он обещал. А она обещала его там ждать...

Шумно выдохнув, еще раз зову отца, а затем и обхожу квартиру. Все три комнаты, кухню. Даже на балкон заглядываю. Пусто.

Нахмурившись, тянусь к телефону, чтобы позвонить. И тут сзади шорох.

Оборачиваюсь.

– Кирочка, это ты приехала? – соседка, баба Валя, чуть шаркая подошвами тапок, заходит в квартиру, дверь-то я не закрыла. Потирает руки и огорошивает. – А Аркаша-то уже дня три как в больнице.

Глава 3

КИРА

Запереть дверь, спуститься вниз, а не скатиться со ступеней кубарем, так как ноги дрожат. Завести двигатель, выехать, никого не зацепив, и не гнать.

Не гнать, Кира!

Даю себе мысленные установки и выполняю их одну за другой. Только бы не сорваться.

Маму потеряла. Отца – нет, еще и его не могу. Не могу.

Хуже всего неизвестность. Что в сочетании с отличным воображением – гремучая смесь. Баба Валя толком ничего сказать не смогла.

... Да, со здоровьем все было в порядке... Да, веселый, довольный. На рыбалку с мужиками в среду собирался на пару дней, ага, с ночевкой... Судака мне обещал поймать... Конечно, поехал... Нет, не на своей... Большая машина за ним пришла, черная вся, даже стекла... Сама в окно видела... А в пятницу с чужого номера позвонил, сказал в больнице лежит. И никаких подробностей, что уж там с ним произошло... Я ж тебе звонить хотела, а он велел не беспокоить, чтоб не нервничала... И мне приходится запретил, сказал, что помощник его все нужные вещи и лекарства привезет...

Ну и что обо всем этом думать?

Хорошее-то совсем в голову не идет. Зато дури – до пса...

Больница в городе единственная. Дорогу хорошо знаю. Доезжаю минут за десять. Тут и пешком напрямки – не больше пятнадцати топать. Но своими ногами сейчас – глупость несусветная. На адреналине, может, вперед и осилю, а назад?

Парковка пустая. Торможу у края и сразу вылезаю на улицу. В последний момент телефон и сумку захватываю.

К двери иду. Тяну на себя без задней мысли. А она не поддается.

Ни с первого, ни со второго раза.

Наверное, в этот момент только немного в себя прихожу. По сторонам осматриваюсь и замечаю то, что упустила. Народу вокруг – ни души. Город словно вымер.

Или спит?

Разблокирую экран телефона, проверяю время. Так и есть. Начало девятого. Вроде не так рано, но для воскресенья...

Черт! И сколько ждать?

Шарю взглядом по двери. Объявление о новых санитарных нормах, информация для инвалидов, услуги медсестры. Всё не то, пока в окне не замечаю искомое. Синяя табличка с белым шрифтом, расписывающим порядок посещения пациентов. В выходные строго с десяти до двенадцати и вечером с пяти до семи.

Вот же!

Растираю лицо руками и снова время проверяю, будто оно ради меня скачок совершит и полтора часа за секунду отщелкнет.

Нет, чуда не происходит.

И что теперь?

Домой возвращаться? Или ждать? И так и так изведусь. Но вариантов...

– Мельникова, ты что ли?

В первый момент на окрик не реагирую. То ли срабатывает привычка большого города, что раз сама я никого не знаю, то и меня не знают, значит, и звать не могут. То ли внутренняя батарейка после сумасшедшей субботы и бессонной ночи садится.

– Кирюха, ёклмн! Зазналась что ли?

А вот на это оборачиваюсь.

– Пыжова? Рита? – прищуриваюсь.

И улыбаюсь. Обалдеть. Не сразу в пышногрудой красотке с густой гривой из рыжих спиралек удастся узнать одноклассницу, с которой не виделась туеву кучу лет.

Хорошенькая стала, глаз не отвести.

– Рита-Рита, – смеется она, приближаясь, чтобы обнять. – Привет, дорогая! Какими судьбами в нашей деревне очутилась? Мне ж говорили, что ты в большой город с концами перебралась.

– Ну как перебралась, так и вернулась, – отмахиваюсь, – а ты? Сама ж в Тверь умотала учиться.

– Так закончила уже и по распределению сюда вернулась, – кивает на здание больницы, – анестезиолог-реаниматолог я, Кир.

Ого! Вот так удача!

Неужели белая полоса наступает? Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

– Ритка, ты ж моя прелесть! – хватаю ее за руки и несильно стискиваю. – Спасай, подруга. Помощь твоя очень-очень нужна.

– Папка, ну, что ж ты такой невезучий-то, а? – вопрошаю, стараясь, чтобы голос звучал строго и решительно, а не как у мямли сопливой.

До сих пор не верится, что сумела к нему прорваться. Да еще не в приемное время. А практически сразу. До девяти утра.

Спасибо за это Ритуле, которая, услышав, что мне нужна помощь со встречей с отцом, не стала долго канительиться и задавать сотню ненужных вопросов. Вообще ничего лишнего делать не стала. Лишь уточнила:

– Звать его как?

– Мельников Аркадий Львович.

– Ага, ясно, – кивнула, откладывая в памяти, и скомандовала. – А ну-ка пойдем за мной. И первая решительно двинулась в сторону двери.

– Заперто же, Рит, – уведомила ее негромко.

Вдруг не в курсе. Я-то проверяла. На что Пыжова даже бровью не повела.

Приблизилась к ранее незамеченному мною звонку, что совсем неудивительно, кто-то додумался выкрасить его в темно-синий цвет, как раз под тон стеновых панелей, которыми судя по свежести совсем недавно обшили крыльцо, и трижды коротко вдавила кнопку.

– Сейчас откроют, – заявила уверенно, отступая на шаг.

И оказалась права.

Не прошло и пары минут, как щелкнул засов и дверь распахнулась.

– О, Маргарита Сергеевна, вы уже пришли? Доброе утро, – пряча зевок в кулаке, поздоровалась, судя по виду, медсестра.

Светло-салатовый комплект спецодежды, состоящий из брючек и рубашки с застежками под горло, и резиновые тапочки подсказали именно об этом.

Женщина лет сорока с хвостиком тут же отступила в сторону, открывая проход и добавила после короткой паузы.

– Я думала, вы сегодня позже будете. Выходной все-таки, да и вчера, считай уже сегодня, вы только ночью домой ушли из-за внеплановой.

– Ничего, Ань, выспалась. Привет, кстати, – доброжелательно улыбнулась ей Рита и кивнула в мою сторону. – Это со мной, пропусти, пожалуйста.

Меня мельком осмотрели, будто только после прямого упоминания увидели, буркнули «здрасьте» на такое же тихое приветствие и милостиво позволили войти.

Еле сдержалась от облегченного выдоха, преодолев непреодолимый в ближайшее время рубеж. И только переступила порог, тут же услышала, как за спиной с громким хлопком закрылась неприступная дверь, а следом клацнул засов.

Вот же неприступная крепость. Но, главное, я уже была внутри.

Дальше, словно по волшебству, всё завертелось. Рита проверила журнал регистрации и узнала, где конкретно лежит мой отец. Анна без кислых кривляний выдала халат и бахилы. Девочки дождались, когда я переоденусь, и дружно потопали на второй этаж.

Я за ними хвостиком.

Только там мы с Ритой разделились. Она пошла в свой кабинет, пообещав заглянуть к отцу чуть позже, как закинет вещи и переоденется. А медсестра повела меня к нужной палате.

Сразу не пустила, убедилась, что все четверо больных уже проснулись, только после этого дала добро.

– Вы, главное, не шумите, – шепнула негромко, но строго, – а то у нас сегодня Палевич – дежурный врач. А он – мужик с тараканами. Если не с той ноги встал, может прицепиться из-за часов посещения. И это... сами никуда не выходите. Ждите Маргариту Сергеевну.

– Конечно-конечно, – кивнула пару раз, давая понять, что адекватная и глупостей делать не собираюсь, после чего шепнула. – Большое вам спасибо, Анечка.

И вошла в палату.

Тихонько всех поприветствовав, убедилась, что ворчать из-за моего появления мужчины не планируют, и удивленно проводила их взглядом, когда они один за другим похватали полотенца и пошли к выходу.

– Умываться пора, – подмигнули моему батьке и были таковы.

Я же тоже к нему повернулась. Заглянула в родные серо-зеленые глаза, один в один как мои собственные, и, прикусив губу, чтобы не разреветься, стала приближаться.

К родному.

Любимому.

Немного постаревшему и осунувшемуся.

Но, как всегда, самому лучшему папке на свете.

Присела на краешек, подчиняясь его молчаливой просьбе, схватила за сухую жилистую руку и задала тот самый вопрос:

– Папка, ну, что ж ты такой невезучий-то, а?

По-другому озвучить свое удивление не получается.

Ну а как?

Если лежит он с двумя закованными в какие-то металлические жуткие конструкции ногами, в остальном же совершенно невредимый.

И вот он смотрит на меня, как на восьмое чудо света, – явно не ждал, – а после рассказывает какую-то невероятную сказку.

– Кир, сам не верю, но я просто поскользнулся на мокрой траве. И всё.

– В смысле – всё?

– Рухнул и получил открытый перелом обеих ног. А так как это случилось на острове, куда мы высадились, чтобы там же порыбачить и заночевать в палатках, а еще и все выпили понемногу, я решил не портить мужикам отдых. В общем, перемотал голени бинтом и лег спать. А в больницу попал только на следующий день.

– И? – уточняю не совсем понимая, почему у отца тогда не гипс, а нечто страшное. Ведь попал же к врачам, пусть и через сутки.

Ответ дает вошедшая в палату Рита.

– Кирюсь, тут видишь ли какое дело, – трет указательным пальцем кончик носа. – Твой отец обратился к нам, когда в его раны уже попала инфекция. Пришлось проводить экстрен-

ную операцию и устанавливать ему аппарат Илизарова, позволяющий сопоставить и правильно срастить все отломки.

Слово «ужас!» в очередной раз проглатываю. Уточняю по факту:

– И сколько ему теперь так мыкаться?

Киваю на притихшего горе-рыбака.

– Ну, придется ходить с аппаратом около двух месяцев. Кроме того, проводится антибактериальная терапия. Так что, долго мы с Аркадием Львовичем будем общаться.

Пыжова довольно подмигивает папке, а тот помалкивает, хотя бывает резок на ответы, и лишь глаза закатывает.

Правда, гримасничать резко перестает, когда я сообщаю ему новость, что приехала не на пару денечков, чтобы навестить, а насовсем.

– Кир, что случилось? – дергается он, хмурясь, и старается принять сидячее положение. Тщетно. Рано пока.

Поправляю ему подушку и плавно с темы съезжаю:

– Всё в порядке. Просто планы изменились, я тебе потом расскажу, – улыбаюсь и следом громко и широко зеваю. – Слушай, пап, я ведь только час, как в город заявила. Всю ночь за рулем провела. Не против, если поеду отсыпаться?

Идею он мигом одобряет и предупреждает, что ждет с пяти до семи вечером.

Обещаю быть, как штык, и с облегчением выдыхаю. Точно знаю, что за время сна непременно придумаю какую-нибудь лайт-версию своего бегства из Питера.

Глава 4

КИРА

Как только голова касается подушки, все мысли из нее испаряются.

И намерение забежать к соседке, рассказать, что папка пусть не совсем здоров, но жив, слава богу. И обещание созвониться с Ритой, когда вечером буду в больнице. Она на работе до семи, а после предложила нам с ней где-нибудь вместе посидеть. И необходимость поднять наверх оставшиеся в машине вещи. И план закупки продуктов, дома в холодильнике шаром покати, а надо что-то к ужину домашнее приготовить, побаловать любимого больного. И, кажется, еще что-то в котелке крутилось, но что...

Думать не хочется от слова «совсем».

Всё становится вторичным, сон важнее. Хочу-хочу-хочу.

С тихим стоном переворачиваюсь на живот и вытягиваю ноги. Подгребаю повыше подушку, обнимаю как самую любимую вещь в мире и расслабляюсь.

Как же хорошо-то, а?

Закрытые глаза – это так здорово и комфортно, что удивительно, как кому-то нравится держать их открытыми. И подушечка-то мягкая, пуховая, и пледик легонький, к телу приятный, м-м-мм... блаженство...

Отключаюсь.

Из сонной дремы вынырываю рывком. «Туц-туц-туц! Файя-я-я...!!!» – не оставляет шансов.

Тянусь к верещащему дурниной телефону, на котором сама же установила зубодробильную мелодию на будильник, иначе фиг встану, и на ощупь пытаюсь вырубить. Вторая попытка становится удачной, и от возобновившейся тишины чуть вновь не сдаюсь Морфею.

Нельзя. С трудом смаргиваю пелену и проверяю время.

Пятнадцать ноль-ноль и ни капель меньше.

Ничего себе, пять часов сна как один миг.

И всё равно мало.

Тело вялое. В голове туман. Отдохнуть не успела.

Горестно вздохнув, прищуриваюсь, настраивая резкость и еще раз проверяю цифры. Не-а, не меняются. Надо вставать.

Но прежде... переворачиваюсь на спину, чтобы было удобнее рукам, и, клацая по кнопкам, отключаю активные повторы будильника.

О да, я из тех людей, кто с первого раза не всегда просыпается, поэтому ставит себе три сигнала подряд, срабатывающие с периодичностью в пять и десять минут. Для подстраховки. И подстраховки подстраховки, чтоб наверняка, еще и с разными мелодиями.

– Давай, Кириусь, ты можешь, – подбадриваю себя, не переставая зевать и мысленно мечтать о продолжении горизонтального положения тела, в котором я смотрюсь просто идеально, кто б не вздумал убеждать в обратном.

Сползаю с кровати и, стараясь не собрать углы, – все же отвыкла от родительской квартиры и ее забитости мебелью – тащу себя в ванную. Вся надежда на контрастный душ, который непременно должен взбодрить.

Так и случается.

Бодрит он мощно. И еще как.

Аж до визга.

Но тут сама виновата.

Забыв, что горячей воды в этом городе нет и никогда не было, лишь холодное водоснабжение, а чтобы ее получить, надо заранее на кухне включить газовую колонку, про которую я

благополучно не вспоминаю до поры до времени, единым движением выкручиваю вентиль с красным кружочком и... попадаю под поток ледяной воды.

Отличный такой. Мощный. И освеж-ж-жающий.

Уф! Фыркая и трясаясь от холода, выскакиваю из ванны резвее дикой кошки, ненавидящей купание.

Пипец полный!

Забываю и про полотенце, которое не захватила, и про то, что с мокрыми ногами по кафелю передвигаться опасно – можно поскользнуться и шею свернуть. Про все на свете позабыв, вылетаю из ванной в коридор и только там тормознув, шумно выдыхаю.

А после смеюсь.

Почти до слез.

И вместе с тем облегчения.

Наконец мозги встают на место, включаясь. Я осознаю себя дома. Дома, где и стены помогают! Напряжение последних дней отпускает, как и переживания за отца. На смену неуверенности приходит понимание, что я со всем справлюсь. Выплыву, сдюжу, разберусь.

Не одна же, в конце концов.

Право слово, подумаешь, мужик оказался не мужиком, а козлом. Еще и женатым. Подумаешь вместо извинений, что узнала его грешок, драться полез, а после, чтоб уж наверняка доказать свою дерьмовость, перекрыл моему бизнесу кислород.

Ничего. Справлюсь. И все у меня будет хорошо.

Я ж не слабачка. Никогда ей не была. И впредь не стану.

От мысленной самотерапии становится легче. Как подтверждение, по телу разливается необходимая бодрость и желание действовать.

До пяти вечера успеваю сбежать в магазин, закупиться и приготовить ужин, самый обычный, но самый любимый папкой – жареную картошечку с луком и жареную рыбу. Заскочить к бабе Вале и рассказать последние новости. Поднять вещи, перекусить, и собрать котомки с контейнерами к отцу. А в три минуты шестого припарковать у больницы мерс.

В этот раз двери оказываются нараспашку. Заходи, кто хочешь.

Я и захожу. До палаты на втором этаже добираюсь без проблем. И сразу к батьке.

– Ох, точно Кирюха моя, приехала. Не приснилось, значит, – встречает он меня теплой улыбкой и широко раскрытыми объятиями, в которые без раздумий ныряю.

– Приснилось? – переспрашиваю, чуть отстраняясь.

– Дочь, не веришь, но, грешным делом, решил, что твое утреннее появление лишь мираж. Что поделать, старость – не радость.

– Ну какая старость, па?! – хмыкаю, выпрямляясь и перехватывая широкие сухие ладони.

– Тебе пятьдесят восемь всего.

Глава 5

КИРА

Папка с таким зверским аппетитом набрасывается на мою совершенно неприхотливую стряпню, ест и нахваливает, будто я ему не обычную картошку и жареный минтай принесла, а, как минимум, ресторанное блюдо «Радужная форель на гриле с овощами, запечёнными в сливочно-соевом соусе».

– Приятного аппетита, – улыбаюсь, довольная, как слон.

Ему вкусно, это самое главное.

– Угу, – кивает, усердно работая вилкой.

Пока он уминает ужин, осматриваюсь и, достав телефон, делаю пометки, что следует принести в следующий раз.

Запасное полотенце обязательно. То, что висит на перекладине кровати, выглядит несвежим. Коробку с салфетками, чтобы было удобно брать, и те не разлетались. Любимую чашку. Глиняную, темно-коричневую снаружи и светлую изнутри, вмещающую в себя чуть ли не пол-литра за раз. Серое стеклянное нечто с красными разводами, стоящее на тумбочке, отцу явно не нравится. Не зря ж отставил на дальний край, а ближе придвинул самый обычный граненый стакан.

Да, папуля у меня – еще тот консерватор в вещах. Сколько себя помню – всегда пил кофе и чай из одной и той же посуды. Любимой пузатой чашки. И как мама не старалась, предлагая ему ее заменить, ответ был один... Леночка, солнце, ты себе, конечно, меняй. Я только рад буду. А мою не трогай, пожалуйста, она идеальна... И хоть тресни.

От душевных воспоминаний уголки губ на секунду взлетают вверх. Замечательное было время, счастливое. А сейчас...

Нет, не стоит хандрить. Сейчас тоже все хорошо. Я жива-здорова, Папка тоже огурцом, а ноги вылечим, еще бегать будет пуше прежнего. Заживем.

Дав установку, вновь возвращаюсь к делу. По еде: стоит купить питьевые йогурты и бананы. Последние отец обожает. Вон, на тумбе, только один остался, зато яблок и апельсинов чуть ли не по килограмму. И вряд ли съест. Еще обычной воды без газа. Полбутылки осталось. Этого мало.

Напротив ноутбука, пауэрбанка и книг ставлю знаки вопроса. Требуется уточнение.

Дальше медицина.

– Па, по лекарствам как? Список давали? – интересуюсь, когда он убирает в сторону контейнер и тянется к стакану с водой.

– Саныч купил, и я сразу сестричкам отдал, – рапортует, вытирая рот салфеткой. – Мне-то куда?

Ясно. Киваю самой себе, но на всякий случай все же уточняю:

– Ветров?

Помощник у отца всегда был один. Не менялся лет сто. По крайней мере, мне ничего об этом не известно. Но кто знает.

– Ага, он.

Уже легче. Я дядю Сашу с юности знаю.

Начинали они с батей бизнес вместе. Только папка тогда бабушкину квартиру продал, чтобы начальный капитал для развития иметь. А Сан Саныч рисковать не захотел, потому пошел к нему простым помощником на зарплате.

– Слушай, па, – вдруг вспоминаю еще одну вещь, – а с телефоном что? Я ж тебе утром дозвониться не могла.

– Глючит что-то он, Кир. Сам собой вырубается, хотя зарядка вроде есть. Да я еще так много сейчас сплю из-за лекарств, что частенько и не замечаю проблемы.

Угу. Проблему надо решить.

Вношу очередной пункт, что гаджет отцу нужно купить новый, и следом уточняю про остальную электронику. Все же он – хозяин крупного автосервиса. Текучка, отчетность, банк. Быть в курсе – святое дело.

– Дочь, я Саныча на хозяйстве оставил, – отмахивается Аркадий Львович с таким видом, что я невольно улыбаюсь: пан-директор, не меньше. – С графиком смен и акт-нарядами уж справится. А по банку, сама знаешь, без смс-ок ничего он потратить не сможет. Так что всё в порядке, не волнуйся.

Ну, в принципе, да, прав. Сильно накосячить тот вряд ли сумеет. Не в чем. Бухгалтерию отца по отчетности веду я, сданные периоды всегда закрываю, чтобы батька случайно не мог их удалить или изменить, а первичка – в ней разобраться несложно. Если у Сан Саныча возникнут проблемы, без вопросов проконсультирую.

– Хорошо, па, как скажешь. Но к Ветрову все же наведу. Скажу, что в городе теперь, и, если надо, всегда буду рада ему помочь. К тому же на мурзике пора масло менять.

– Вот завтра же и езжай. Мужики тебе всё в лучшем виде сделают, – напутствует отец, а затем, за пару мгновений став серьезным, командует. – Ну а теперь рассказывай.

Вот так всегда. От улыбки до строгости – лишь шаг.

– Да особо нечего, – отмахиваюсь. – Расстались мы с Евгением, вот и все новости.

Родитель сдвигает брови вместе, отчего на лбу образовывается глубокая складка, смотрит, не мигая.

– И поэтому ты домой насовсем рванула? Из города, который так любила? – не верит.

И правильно делает. Только ни за что ему в этом не сознаюсь.

– А что такого? Я подумала, и к тебе решила вернуться. Или ты против? – демонстративно поджимаю губы, ловко переводя стрелки.

– Нет, роднень, я-то рад, очень, – принимается убеждать меня батька. Даже за руку берет. – Только... – цыкает, мотнув головой. – Кирюш, этот твой Лазарев, что? Кобелем оказался? Изменил, да?

Вот так. Не в бровь, а в глаз попадание.

– Ага, угадал, – соглашаюсь.

А мысленно добавляю, что изменил мне этот кобель ни один раз, а много. И не абы с кем, а со своей законной женой. С которой в церкви венчался. Урод.

– Ну и черт с ним, – эмоционально рубит рукой папка, – хорошо, что замуж за него выскочить не успела.

– Это да, – поддакиваю.

А ведь реально мечтала. Дура. Наивная.

И пока я слегка рефлексирую, отец уже переходит к словам поддержки.

– У нас тут, ежели что, тоже нормальные мужики есть. Ты, дочь, не волнуйся. Найдешь свое счастье. Я ж маму нашу нашел. А ты вся в меня, так что не унывай.

Из больницы выхожу ровно в семь, как только заканчиваются часы посещения. Пыжова ждет на крылечке.

– Ну что, подруга, идем отмечать встречу? – кивает в сторону аллеи.

– Я на машине, Ритуль, лучше поехали.

Глава 6

КИРА

Дорога не занимает много времени, но и в пути мы не молчим. Обговорив, в каком направлении двигаемся, переключаемся на одноклассников и делимся информацией, кто кого в последний раз видел.

– Наташка Смирнова в Москве живет, на новогодних с ней случайно на Невском пересеклись, – припоминаю я с улыбкой. – Главбухом в строительной фирме работает. Местом очень довольна.

– Да, она у меня в друзьях в соцсетях есть. Видела фотки из офиса, – кивает Рита. – А Ленка Иванова – парикмахер, представляешь? Кстати, очень востребованный. Я у них в салоне недели две назад ногти делала, так у нее очередь чуть ли не на месяц вперед.

– Молодец, – соглашаюсь. – А Мишка Прохоров в Ярославле служит. Военный. Только, кто по званию, не помню. Мы с ним случайно в телеге нашлись. Макаров, знаю, что в Твери. Кажется, жена оттуда.

– Ого, не в курсе. Я из пацанов только про Ушакова могу рассказать. Он теперь начальник нашего коммунального хозяйства. Назначили недавно.

– Шутишь? – припоминаю ленивца-троечника, вечно спящего на уроках.

– Нисколечко, – заверяет Ритка и следом уморительно надувает щеки, а руками рисует вокруг живота шар. – Ой, Кир, ты б его видела. Раскабанел так, мама дорогая. Я их с пассией в торговом центре на днях наблюдала. Идет такой пухленький, важненький, пузик вперед, шнопок вверх, как пингвинчик, с ноги на ногу переваливается. Сто пятьдесят килограммов понтов, а то и больше. И рядом его королева с ним под ручку на ходулях гарцует. «Котик, купи шубку! Котик, хочу шиншиллу!» Прикинь, по лету. Молодец, Федя. Экономную бабу выбрал.

– Гхм, с шубой из шиншиллы-то? Ну да, – соглашаюсь, качнув головой. – Экономную, точно.

Переглядываемся и, не сговариваясь, прыскаем со смеху.

Незаметно добираемся до ресторанчика. Паркуюсь без проблем. Свободных мест предостаточно.

Вылезает. Осматриваюсь. И понимаю, что мне как-то сразу и однозначно здесь нравится, хотя приехала впервые.

– Меньше года назад «Теремок» открылся, – рассказывает Рита, замечая, как я все с интересом разглядываю.

А ведь есть, на что посмотреть.

Прибрежная зона. Никаких жилых домов. Вокруг только зелень и большая территория, вымощенная брусчаткой. Кованный забор и фасад одноэтажного здания в гирляндах теплого желтого цвета. Круглые столики под огромным навесом и кресла из ротанга. На пеньках вырезанные из цельного дерева фигуры животным.

Очень красиво.

А вид на реку какой изумительный. Не передать.

– Предлагаю посидеть внутри. Там кондиционеры.

От предложения Риты не отказываюсь.

– Давай.

Не вижу смысла спорить и прохожу следом за ней внутрь.

И там мне нравится ничуть не меньше.

Темное лакированное дерево, хитро зонированное пространство, огромная барная стойка с высокими стульями, приглушенное сложное освещение и скатерти. Не одноразовая синтетика или клеенка, а настоящий лен.

Не отказываю себе в удовольствии провести по нему ладонью, когда улыбчивая девушка, ненамного старше нас, приводит нас к столику на двоих.

Спустя десять минут делаем заказ. Обе останавливаемся на безалкогольных напитках. Я – понятное дело – за рулем. Рита, потому что завтра рано утром снова на смену. Из еды выбираем сырную тарелку и брускетты с красной рыбой. Чуть помедлив, Пыжова добавляет к заказу пасту «Карбонара».

– Ты ж не против? Боюсь, что бутерами не наемся, – куksит она печальную моську.

– Рит, глупости не говори, – отмахиваюсь, по привычке поддергивая рукава кофты вверх. – Ешь столько, сколько нужно. И на меня не смотри. Я ж из дома. Пока батьке готовила, сто раз перекусить успела.

Улыбаюсь, договаривая, и не сразу замечаю, на что направлен взгляд подруги.

– Кир, это что? – не выдерживает она первой, когда наши взгляды все-таки пересекаются.

Мысленно даю себе оплеуху, чтобы не расслаблялась. Возвращаю рукава кофты назад, скрывая почерневшие уже синяки, и, пожав плечами, сознаюсь:

– А это, Ритуль, я одного кобеля на путь истинный неудачно вернуть хотела. Сама же, дурочка, и поплатилась.

– Поделишься?

Еще несколько часов назад я твердо была уверена, что о таком позоре никому никогда не расскажу. Надо ж было так лохануться. Стыд и срам. В женатика вляпалась. А сейчас, глядя в участливые глаза Пыжовой, понимаю, что хочу открыться.

А вдруг полегчает?

– Ко мне неделю назад в офис молодая женщина пришла. Представилась, как Лазарева. А я, бестолковка, услышала, что она «от Лазарева», – считываю на Ритином лице непонимание и поясняю. – У моего мужчины, с которым я полгода встречалась, такая фамилия. Женя мне иногда помогал. Моя фирма бухгалтерские услуги оказывает. Вот он и направлял ИП-эшников и ООО-шников, если им аутсорсинг подходил.

Усмехаюсь на собственных словах «мой мужчина» и, смежив, веки, качаю головой.

Вот же наивная куропатка.

Мой.

Евгений Петрович Лазарев оказался таким же моим, как общественный сортир у станции метро. Тот тоже многие своим мнят. И контора, что установила и бабло рубит, и посетители, которые на пять-десять минут внутри застревают, пока нужда того требует.

– Оказалась не клиентка? – легко догадывается Рита.

Она подается вперед и накрывает мои руки своими.

Только тогда замечаю, что за время короткого признания успеваю порвать салфетку на мелкие кусочки, устроив на столе мини курган.

– Мгу, – подтверждаю кивком. – Это оказалась жена Лазарева. Любовь. Да еще глубоко беременная.

– Вау.

– Не то слово, – соглашаюсь, а дальше кратко, но емко обрисовываю всё, что случилось после.

И то, как мы с Любой неплохо пообщались. Умудрившись обойтись без оскорблений и выдергивания друг у дружки волос. Как я напоила ее сладким чаем с печеньем и покаялась, что ни сном, ни духом не ведала о кобелизме Женечки. Ведь реально не ведала! Иначе – ни в жизнь!

И то, что, кипя возмущением, поехала к нему на квартиру, которую он, оказывается, снимал, чтобы там встречаться с такими недалекими идиотками, как я. Как пыталась устыдить этого охреневшего примата, а, поняв, что бесполезно, просто уйти. В итоге отбивалась от

изнасилования, потому что озверевший Женечка, вместо того чтобы найти в себе в совесть, откопал неумную похоть и решил меня трахнуть. По жесткому.

До сих пор от бешенства, мелькавшего в его полубезумных глазах, кожа мурашками покрывается. А еще вспоминается, что спаслась почти чудом. И как он угрозы вслед орал.

– Он же не успел тебя, Кир... – испуганный тон Риты воронкой засасывает в реальность.

Подруга не договаривает, но я и сама понимаю, о чем речь, когда она обегает внимательным взглядом всю меня.

– Нет. Не успел, – заверяю её серьезно, потирая запястья. Дожидаюсь, когда официантка накроет на стол, только после этого добавляю. – Вот только на руках синяки оставил, да головой о стенку разок приложил, когда из квартиры пыталась выскочить.

Судя по Риткиному очумелому лицу, подруга явно обалдевает от того, как весело я живу. Впрочем, я и сама обалдела, поняв грандиозность задницы, в которой оказалась, связавшись с Лазаревым. А дальнейшие действия этого психа подсказали, что расслабляться и впечатляться мне некогда, лучше поскорее паковать чемоданы и уносить ноги из Питера. Пока жива-здоровая.

Оттого и рванула я в ночь, как все разгребла и ключи от съемной квартиры хозяйке сдала.

– Кир, а заявление?

Желание Маргариты помочь греет душу, вот только...

– Какое заявление, Ритуль? Смеешься? – отмахиваюсь. – Он – шишка в СО-банке. Никто не станет с ним связываться. А если я начну упорствовать, так себе же хуже сделаю. Они на меня за клевету всех собак спустят.

– Но как же? Ведь можно...

– Нет, – перебиваю. – Он уже себя проявил, как тот, кто ни перед чем не остановится, если его разозлить.

Теперь моя улыбка становится горькой.

Перехватываю непонимающий взгляд Пыжовой и добавляю:

– Представляешь, две трети клиентов моей фирмы отказалась от бухслуг уже через сутки после наших с ним разборок.

Рисую пальцами в воздухе кавычки. Разборки. Слово-то какое. А по факту было лишь избивание младенца. Меня. Так сказать, получала очередной опыт ускоренным путем.

– Они мне еще отзывы такие накатали, что рейтинг фирмы с 9.2 скатился до 3.8. Фактически я стала лузером. Так что еще через пару дней на обслуживании моей конторы остался только сервис отца и небольшое ООО. И то, наверное, потому, что не в СПб, а в области зарегистрировано, да декларации сдает нулевые.

– Хренасе... он твой бизнес, выходит, потопил?

– Угумс, – киваю и заканчиваю печальную историю. – У меня две девочки в помощницах работали. Так они сами заявление на увольнение накатали, даже ситуацию объяснять не пришлось. Им Женечка позвонил, пригрозил: не уволятся добровольно, вообще ни где работать кроме как поломойками не смогут.

– Вот урод!

– Не то слово, – соглашаюсь, а затем не сдерживаю смешка. – Правда, он себя ресурсным мужиком считает.

Цыкнув и тихонько матюгнувшись, Рита успевает пройтись острым язычком по поводу ресурсных мужиков в целом и с силиконовыми мозгами в отдельности, а после поднять тост, чтобы последние обходили нас десятками дорогами. Я с радостью ей поддакиваю. Делаю глоток из запотевшего фужера и чуть не давлюсь, когда слышу:

– Не рыпайся, цыпочка. Иначе хуже будет.

Моей шеи касается что-то холодное.

Глава 7

КИРА

– Славка, ты совсем идиот! – ругается Рита спустя всего пять минут после того, как я чуть не отдаю богу душу, и уже не в первый раз тянется через стол, чтобы треснуть парня по плечу. – А если б у Киры инфаркт случился?

– Ну, простите, девчонки. Я думал, весело будет, – проговаривает младший брат Риты, старательно изображая раскаяние.

Только плохо он старается. Хитрющие искорки в карих, как у сестры, глазах, выдают этого веселого шалопая с головой.

Вот же... приколист. Что мелкий был, что сейчас.

Во все глаза разглядываю парня, которого не видела пятнадцать лет. С того момента, как окончила школу. И припоминаю, что в тот год, когда мы с Ритой получали аттестаты за одиннадцатый класс, Вячеслав только прощался с начальной школой.

И если бы он к нам сам сегодня не подошел, клянусь, ни за что б его не узнала.

Еще бы. Тогда он был мелким тощим почемучкой, везде следующим хвостиком за сестрой и обожающим печенье в шоколадной глазури, которым я его зачастую подкармливала.

А теперь предстал молодым мужчиной. Крепким, рослым, возмужавшим. Выше меня, как минимум, на голову и точно раза в два шире в плечах. Ах да, еще с густой растительностью на лице, отращивать которую в последние годы у мужчин стало особой фишкой.

– Какие девчонки, Слав? – усмехаюсь, наконец, отмирая и убирая ладонь от груди, где совсем недавно неистово колотилось сердце. – Прикалываешься? Мы с Ритой давно четвертый десяток разменяли. Так что уже тётки.

– Тётки? Чушь не гони, – совершенно не проникается моими словами парень и указывает куда-то мне за спину. – Да вас с сестрой от наших девчонок не отличишь. Особенно тебя, Кир, в таком прикиде.

Осматриваю свои голубые джинсы и желтую шифоновую блузку на стоечке, с черным игривым бантиком из тесьмы, белые кроссовки на ногах, затем оборачиваюсь туда, куда махнул Пыжов.

Да, пожалуй, прав. Сходство есть. Две из трех девушек тоже в джинсах и цветных футболках. Единственное, что меня отличает – кофта с длинным рукавом. Но пока мне от нее не избавиться.

– Спасибо за комплимент, мелкий, – припоминаю его давнюю кликуху, которая сейчас кажется безумно смешной.

Его габариты и мои – небо и земля.

– Мелкий... – повторяет Слава, оценивая подкол, и, широко улыбнувшись, без малейшего стеснения придвигается ко мне ближе. – Иди сюда, крупная.

Разводит руки в стороны и, когда я к нему подаюсь, приобнимает меня за плечи.

– Тоже не забыл? – не скрываю радости в голосе, обнимая его в ответ и поглаживая пару раз по спине.

Именно так мы с Пыжовым в прошлом здоровались.

– Нет, не забыл, – отвечает вместо брата Рита. Ловит мой вопросительный взгляд и признается. – Я когда ему днем звонила, рассказала, что тебя встретила. Так он сразу ваш обмен любезностями припомнил.

– Угу. И очень захотел увидеться, – добавляет Слава, выпуская меня из объятий. – Даже своих ребят уговорил сюда на минутку заскочить, хотя нас уже в другом месте ждут.

– Снова гонки? – интересуется сестра, вновь хмуря брови.

– Всего лишь тренировочный заезд, – поправляет ее брат и следом уговаривает. – Не нервничай, Рит, я буду аккуратен.

Гляжу на одного, на другого, мысленно пожимаю плечами, так как не понимаю, о чем речь, но решаю позже узнать, а когда их переглядки заканчиваются, благодарю Пыжова:

– Спасибо, Слав, что подъехал. Мне приятно. Даже очень.

Вот уж не думала, что кто-то будет так рад меня увидеть, что откорректирует свои планы. Папа не в счет.

– Было б за что, Кир, – отмахивается.

На секунду отвлекается на своих друзей и делает им знак, что через минутку освободится. Те уже несколько раз его зовут. Особенно усердствуют девчонки, хмуро поглядывая в нашу сторону.

А после вновь обращается ко мне:

– Ты как сюда, Кир? Надолго?

– Решила, что насовсем, – пожимаю плечами и ловлю его довольную мину.

– Так это же круто, – не скрывает он радости. Говорит так убежденно, что внутри тепло становится. – Значит, непременно еще с тобой пересечемся.

Подмигивает.

– Обязательно, – киваю и усмехаюсь, когда Рита добавляет.

– Беги уже, донжуан, а то твои матрёшки Киру гневными взглядами прожгут. А мне моя подруга нужна живой и невредимой.

Мысленно соглашаюсь с Маргаритой, так как парни из компании Пыжова начинают улюлюкать, а девчонки громко стонать.

– Да, пора, – соглашается Слава и отшагивает от нашего столика спиной вперед. – Хорошо вам отдохнуть, красотки. Если кто приставать решится, сразу звоните, приеду, уши откручу.

Взмахивает на прощание рукой и уверенной походкой устремляется к своим ребятам. Еще минуту спустя шумная толпа со смехом и криками вываливается на улицу, и в помещении сразу становится значительно тише.

– М-да, а мелкий-то подросток, – замечаю, потирая место, к которому Славка, решив меня разыграть и напугать, прикасался ключом.

– Даже спорить не буду.

Переглядываемся с Ритой и весело смеемся.

Остаток этого вечера проходит в разговорах и воспоминаниях. К счастью, нам никто не навязывается, хотя к тому моменту, когда собираемся уходить, в ресторане не остается свободных мест.

Довожу подругу до дома около одиннадцати, а в половине двенадцатого уже ложусь в свою школьную кровать. Первый день в родном городе подходит к концу.

Глава 8

КИРА

– Доброе утро, дядь Женя, – здороваюсь с одним из работников отцовского автосервиса, на полном ходу влетая в широко распахнутые ворота бокса.

С самого рассвета на улице пасмурно, дождь льет как из ведра. А из-за сильных порывов ветра еще и косой, отчего не знаешь, с какой стороны прилетят колючие брызги. Поэтому путь от машины до ангара продельваю бегом, не желая вымокнуть до нитки, и петляя как заяц, чтобы не наступить в образовавшиеся тут и там большие лужи.

– О, Кирочка, привет-привет! – невысокий пухленький мужчина в сером засаленном комбинезоне поверх желтой футболки выныривает из-под капота Лексуса и одаривает меня теплой улыбкой. – С приездом, дорогая.

– Спасибо.

Отзеркаливаю его мимику.

Дядю Женю Лыкова я знаю столь же хорошо, как Сан Саныча, так как работает он в сервисе не многим меньше Ветрова. Так что можно сказать, такой же почетный сотрудник этого места. А еще в детстве всегда угощал меня конфетами, когда я к папке прибегала. Хотя и в молодости тоже подкармливал.

– Ты масло менять приехала? – уточняет мужчина, откладывая инструмент в сторону. Вытаскивает из нагрудного кармана давно выдавшую вторую молодость тряпицу и, вытирая руки, подходит ближе. – На-ка, держи.

Словно фокусник, извлекает из недр униформы чупа-чупс и всовывает мне в ладонь.

Ну вот опять!

Благодарю, стараясь не рассмеяться. Удивил, так удивил. И ведь не поймешь: у него неиссякаемые запасы сладостей на все случаи жизни припрятаны, или специально для меня подготовился?

Хотя, в любом случае приятно. Даже пасмурный день сразу светлее становится.

– Ага, масло. Папа предупредил, значит?

Вопрос риторический. Кроме батьки некому, факт понятный. Но ответ все равно следует.

– Точно так, Кирочка. Аркадий Львович еще вчера вечером Санычу звонил. А тот уже нам с Рыжим наказ с утра передал, – раскрывает всю схему взаимодействия дядя Женя. Следом добавляет. – Я тебя позже сегодня ждал. К вечеру где-нибудь.

Ловит мой вопросительный взгляд и, ухмыляясь в усы, поясняет:

– Думал, раз в отпуск приехала, так до обеда как минимум отсыпаться будешь, – подмигивает. – В такую погоду покемарить самое оно.

– Это, да, – соглашаюсь, проглатывая желание поправить про его «отпуск». Ни к чему грузить нюансами пусть знакомого, но все же постороннего человека. Зато про возможность поспать подольше замечая. – Я б и рада была подольше, да организм, как в насмешку, уже в восемь утра решил начать бодрствовать. Так что давно на ногах прыгаю. Успела и завтрак батьке приготовить, и в больницу к нему съездить. А уж после к вам рванула.

– Молодец дочка. Уверен, Аркадий рад, – произносит дядя Женя с таким чувством, будто гордость за мой поступок испытывает, и, следом посерьезнев, уточняет. – Как он там, Кир? А то Саныч ничего толком не говорит.

– Нормально вроде. Бодрячком. Правда, сначала думал, что я ему привиделась, – усмехаюсь, вспоминая папино лицо при встрече, и вкратце пересказываю озвученный Ритой прогноз лечения и сроки.

– Эх, надолго пропал. Но, главное ж, вылечить.

Соглашаюсь, после чего рассказываю и про отдельную палату, которую хотела ему организовать. И про то, что батька категорически отказался.

– Одному-то скучно, – поясняет мне Лыков решение отца. – А тут всяко поболтать с кем-то можно. Ну или просто других послушать.

Я лишь плечами пожимаю. Может, и прав. Мне главное – чтоб родному человеку лучше сделать, а не свою линию гнуть.

– Проведать-то его можно?

Киваю.

– Можно, конечно, дядь Жень. Только в приемные часы идите.

Испытывая радость, что у папки есть группа поддержки – с работы мужики и соседка, обещавшая пирожков напечь – рассказываю про расписание и то, что можно захватить с собой.

Выслушиваю от Лыкова слова поддержки и все же уточняю по машине:

– Дядь, Жень, если я невовремя, могу позже приехать. Мне не критично.

– Не-не-не, дочка, ты что, – отмахивается он без раздумий. – Какое невовремя? Сейчас Рыжий вернется, он на пять минут отскочил, и сразу твоим красавцем займется.

– О, здорово.

Натянувшаяся внутри беспокойная нить разом отпускает.

Остаться без колес даже на короткое время – дико. И не потому, что дождь, а я без зонта. Это ерунда. А потому что привычка – дело такое... привычное.

– Как, кстати, твой мерин поживает? Довольна батькиным подарком? – интересуется мужчина, подходя к выходу из ангара и остановившись на границе, куда не долетают капли дождя, но можно видеть моего четырёхколёсного красавца. – Помню, когда Львович тебе тачку выбирал, так десятки вариантов перебрал, пока лучший не нашел. Мы еще всем сервисом плюсы и минусы обсуждали, а он сказал, что эта модель в плане безопасности идеальная.

Лыков хмыкает, припоминая прошлое, а я легко представляю, о чем он говорит.

Папка никогда ничего на отшибись не делает, ко всему с умом подходит. Вот и мою машину не ради понтов выбрал, как тот болван на заправке подумал, а потому что обо мне беспокоится.

– Очень довольна, – говорю без раздумий и тут же припоминаю про мелкую аварию, связанную все с тем же психом. – Дядь Жень, а вы заодно бампер мне не глянете? Там черкотина откуда-то взялась. Может, получится как-то ее ликвидировать?

– Гляну, Кир, не переживай. А черкотина, так может, кто специально тебе ключом по машине шаркнул. Завистников кругом много. Сигналка могла на легкое соприкосновение не сработать, потому ты и не в курсе.

Вообще-то в курсе, оттого и слегка краснею. К счастью, Лыков отвлекается и этого не замечает. В бокс через внутреннюю дверь для персонала заходит Пашка по кличке Рыжий, получивший свое прозвище из-за огненной кудрявой шевелюры, которую во время работы собирает в хвостик на макушке.

– Привет, Кир.

– Привет, Паш.

– Рано ты.

– Ну да.

Перебросившись с ним парой фраз, отдаю брелок от машины, а сама через небольшой коридор иду в комнату отдыха. В сервисе и такая есть. Небольшой закуток с диваном и телевизором, но, главное, с аппаратом, который готовит очень даже вкусный кофе.

Я уже почти миную коридор, боковое ответвление которого ведет к лестнице на второй этаж, где, собственно, и располагается отцовский кабинет, когда до слуха долетают обрывки разговора.

– ... сделаю, как обещал.

- Ты обещал справиться быстрее. Но уже четыре дня прошло, а документов так и нет.
- Потому что там, где они всегда лежали, их не нашел. Но я достану. Думаю...
- Шефа не волнуют детали. Срок три дня. Понял?
- Понял-понял.
- Смотри, Саныч... иначе...

Напряженная тишина, а следом глухой топот ног. Несколько человек начинают спускаться по лестнице.

Без раздумий подрываюсь с места, где застыла, непроизвольно грея уши, и, стараясь идти беззвучно, ускоряюсь к закутку.

Еще не хватало попасться на подслушивании. Стыдно будет.

Мало ли какие там дела у Ветрова. Его голос я сразу узнала, а вот второго, говорившего с ярким южным акцентом и упоминавшего какого-то шефа – нет. Но не суть.

В комнате отдыха шагаю прямоком к кофейному аппарату. Слегка подрагивающими пальцами тыкаю по кнопкам и выбираю горячий шоколад. Закидываю монеты в денежный отсек и чуть вздрагиваю, когда, громко фыркнув, аппарат принимается гудеть, выполняя заказ.

– О, какие люди к нам пожаловали. Здравствуй, милая.

Оборачиваюсь.

Слегка притормозив на пороге, Сан Саныч раскидывает руки в стороны и начинает приближаться.

– Ох, Кирочка, ты ж еще краше стала. Куколка просто.

– Ой, дядь Саш, не придумывай, – отвечаю ему в тон, растягивая губы в улыбке и позволяя себя обнять. – Я тоже рада тебя видеть.

Сама же бросаю взгляд на тех, кто шел следом за папиным помощником. Двое мужчин лет под тридцать пять. Смуглых. Опасных. С колючими холодными глазами.

Именно это приходит в голову, когда мы на секунду пересекаемся взглядами. А после они, не говоря ни слова, уходят прочь.

Глава 9

КИРА

– Значит, говоришь, насовсем вернулась?

Сан Саныч, как и я, приготовив кофе в аппарате, занимает свободное кресло напротив и с протяжным стоном вытягивает ноги вперед.

– Верно.

– А что так? Питер разонравился?

– Да нет. Все так же мил сердцу.

– Климат не подошел? Дожди замучили?

– Не знаю, вроде нормально всё. Погода, как погода.

Честно, даже особо не задумывалась, пока он не озадачил.

– Аллергия?

– И аллергии нет.

– От темпа города что ли устала?

– Нет, я люблю движ. Да и Питер – не Москва. Вот где реально скорость рулит.

– С парнем, выходит, поругалась? – усмехается, пристально следя за моей реакцией.

Качаю головой и озвучиваю собственную версию возвращения:

– Просто по отцу соскучилась.

Ловлю полнейшее недоумение, которое мой собеседник и не старается скрыть, и... всего-навсего пожимаю плечом.

А что он хотел? Признаний? Покаяния? Или целой исповеди?

Зря.

Может, отец с Ветровым и любит откровенничать, их дела. Но для меня папин помощник – всего лишь папин помощник, раскрывать карты которому, объясняя, что да как, не вижу ни единой причины.

Родному человеку лишнего не выдала, а уж постороннему дяде не собираюсь и подавно.

– А за вещами когда поедешь? Тебе ж квартиру сдавать там нужно?

Прикусываю губу, на секунду пряча глаза за ресницами, и мысленно качаю головой.

Вот же любопытный Варвара. Никакой меры в нем нет.

– Я сразу с собой всё захватила, Сан Саныч, когда уезжала. И с жильем вопрос тоже закрыла, – прячу улыбку за стаканчиком с кофе.

– А по работе разобралась? Офис, работники, все дела...

Боже, да когда ж он успокоится? Уже ни в какие ворота его любопытство не влезает.

– Все дела тоже прибрала. С работниками рассчиталась.

Жду новых расспросов, но невероятно: Ветров, кажется, выдыхается.

И вроде сидит, улыбается, демонстрирует открытость и доброжелательность, а у меня впервые закрадывается мысль, что за его улыбкой скрывается пустота. И некая холодность.

Может, случилось что?

– Ух, и шустрая девица, – выдает он в итоге после короткой паузы. А сам всё смотрит и смотрит. Будто насквозь просверлить хочет.

Да ну бред в голову лезет.

Отмахиваюсь от непонятно откуда возникшего ощущения двуличности мужчины и тянусь к мусорному ведру, чтобы выкинуть пустой стаканчик.

– Сан Саныч, – вспоминаю, о чем хотела с ним переговорить при встрече, – я же теперь здесь обитаю. Так что, если какие вопросы по один-эс-ке возникнут, ну, или с налоговой затык случится, вы не стесняйтесь, сразу мне звоните. Подъеду, помогу, проконсультирую.

Кивает, всё так же внимательно разглядывая.

– Хорошо, Кир. Спасибо. Буду иметь ввиду.

Открывает рот, явно желая еще что-то добавить, но, как и я, отвлекается на топот приближающихся шагов. А пару секунд спустя на пороге комнатки возникает Рыжий.

– Кир, всё готово. Можешь принимать работу, – отчитывается парень и протягивает мне правую руку, на указательном пальце которой висит брелок мерседеса.

– О, класс. Быстро вы справились.

Растягиваю губы в улыбке, подсакивая на ноги и переводя взгляд с одного мужчины на другого.

Приближаюсь к Павлу и забираю свои ключи. В душе же ликую, что допрос с пристрастием, наконец, завершился.

Хорошего Ветрову помаленьку. А то, судя по настенным электронным часам, он меня почти сорок минут мурыжил. Хотя по внутреннему секундомеру я думала будто несколько часов. Такая усталость накопилась.

– Пойдем тогда, – обращаюсь к Рыжему и веду подбородком в сторону выхода.

Он согласно кивает, а я оборачиваюсь к временно выполняющему обязанности отца мужчине, чтобы попрощаться:

– Была рада повидаться, Сан Саныч.

– Я тоже, Кир.

И вроде бы все уже обговорили. Я даже в коридор выйти успеваю и на Пашку переключиться, уточняя, заменил ли он воздушный и салонный фильтры, как Ветров вновь о себе напоминает.

– Кир, забыл спросить, а ты к отцу завтра утром или вечером пойдешь? – доносится мне в спину.

Притормаживаю, оборачиваюсь, давая тем самым себе время, чтобы подумать. Но в итоге просто пожимаю плечами:

– Хм, не знаю пока. А что?

– Да так просто спросил.

– Да?

– Ага. Не бери в голову, – отмахивается он резко. – Ладно, давай. Беги.

Я еще недоуменно хлопаю ресницами, а Ветров уже как ни в чем не бывало утыкается в телефон, полностью меня игнорируя.

Вот же странный.

Мысленно махнув рукой на его тараканов, возвращаю внимание Пашке и интересуюсь своей машиной. А спустя десять минут узнаю, что мой любимый четырехколесный друг в полном порядке. Масло поменяно, фильтры тоже, уровень в норме, как и колодки, омывайка залита до максимума и даже царапина надежно ликвидирована.

– Дядь Жень, ты – настоящий волшебник, – хвалю автослесаря, разглядывая идеально гладкий бампер.

Павлу чуть раньше я тоже успела отвесить несколько душевных комплиментов, пока он не сбежал заниматься новым клиентом, приехавшим по записи.

– Ой, да что там такого было-то, Кир. Так, мелочи, – отмахивается Лыков, но я отлично вижу, что он рад похвале.

И она оправдана. Оба отцовских сотрудника умудрились сделать для меня максимум полезного за очень короткое время. И пусть за мерсом я стараюсь следить, но моя оценка технического состояния машины и мнение специалистов – все же разные вещи.

Им я доверяю больше.

– Если еще что понадобится, не стесняйся, Кир, приезжай, – напутствует дядя Жень, когда собираюсь уходить. – Мы с Пашкой всегда поможем, даже без звонка Львовича.

Имеет ввиду отца.

Киваю ему, в сотый раз «спасибкаю», машу рукой и выбегаю на улицу.

Дождь на время перестал, но кругом всё залито. Миную водные преграды, заворачиваю за угол здания и лишь на секунду притормаживаю перед большой лужей, раздумывая, где лучше ее перескочить, как мимо проносится черный лексус и окатывает меня с ног до головы.

Раз. И я стою, обтекаю.

Даже на щеку попадает.

– Придурок ненормальный! – гневный возглас слетает с губ, а следом появляется огромное желание догнать бестолкового идиота, вытащить из машины и хорошенько макнуть его рожей в ту самую грязь, что теперь обосновалась на мне.

Может, хоть так ум в голове появится?!

Но вместо этого я, словно заторможенная, так и стою на месте и с неким недоумением рассматриваю некогда голубые джинсы и светлую футболку с длинным рукавом. Новенькие, чистенькие, хорошенькие вещи всего минуту назад... теперь стараниями болвана на лексусе выглядят как шкура далматинца...

Я вся в темно-коричневых пятнах и разводах. Мокрая ткань липнет к коже. От противных ощущений пробирает холодом, непроизвольно ёжусь и всем телом вздрагиваю, когда совсем близко, над головой, раздается...

– Девушка, простите, пожалуйста, я вас сразу не заметил.

Оказывается, хозяин лексуса не умчался прочь, а сдал назад, решив извиниться. И сделал это так тихо, что я, пребывая в прострации, не заметила.

Вскидываю голову вверх, раздумывая, сразу принять извинения одумавшегося водителя или сначала отчихвостить за безалаберность, а лишь после принять, но в итоге делаю нечто иное.

Вытираю глаза.

– Ты?! – восклицаю, встречаясь взглядом с татуированным засранцем с заправки.

– Ты?! – вторит он мне, как послушное эхо.

Прощать такого? Да он специально все сделал!

Отомстить решил. Вот паршивец.

– Кусок идиота! – рычу, сжимая кулаки.

– Истеричка! – припечатывает он, прищуриваясь.

Я?

С чего это я истеричка? С того, что он меня же и окатил грязью?

От шока замираю, только воздух хватаю губами, а татуированный, вместо того чтобы свалить в туман, вдруг предлагает:

– Садись, недоразумение, домой тебя отвезу.

– Да иди ты к черту, водЯтел!

Наконец обретаю голос и тут же им пользуюсь. Указываю конечное направление и, гордо вскинув подбородок, удаляюсь прочь.

Глава 10

КИРА

Остаток дня благодаря мерзкой погоде провожу дома.

Чтобы успокоить нервы и расслабиться, набираю себе горячую ванну, добавляю побольше пены с ароматом сицилийского апельсина, включаю на телефоне любимый плейлист и погружаюсь в воду по самую шею.

Прикрываю глаза, сосредотачиваюсь на музыке...

Мне хорошо...

Я спокойна...

Спокойна и ленива, как удав. Неторопливый, вальяжный, пресыщенный...

Глубокий вдох, медленный выдох...

Да к черту!

Какой удав?!

Скорее уж дикая кошка с подпаленной шерстью! Хочется шипеть и царапаться.

А всё потому, что за закрытыми веками, сколько не прогоняю, вновь и вновь возникает ехидная рожа татуированного и...

Весь релакс идет по боку. Накрывается медным тазом. Схлопывается, как мыльный пузырь.

Я киплю. Киплю. И киплю.

Странно, что вода, в которой отмокаю, еще не бурлит. Внутри-то у меня уже гейзеры взрываются.

Да уж, стоит признать: новая стычка с нахалом с заправки, уже вторая за пару суток, бесследно не проходит. Не могу отпустить ситуацию.

Хочу, но не могу.

Кручу ее в голове и так, и эдак. Строю мысленные диалоги, подбираю дерзкие ответы, жесткие отповеди, колкие взгляды, едкие реплики. Чтобы доказать этому несносному человеку, что я не недоразумение, как он меня назвал.

Я – девушка. Гордая, прямолинейная и умеющая за себя постоять. А если доведет, то и в глаз дать... ну или хотя бы попытаться.

А то придумал тут.

Боже, вот же меня кроет.

Выгнувшись в спине, запрокидываю голову и погружаюсь в ванну так, что на поверхности остается только нос. Выдерживаю в таком положении около минуты и сажусь нормально.

Вода отхлывнывает в стороны, ручейками скатывается по телу, мокрая грива волос тяжестью оттягивает голову назад, в ушах немного звенит.

Зато получается переключиться.

Провожу влажными ладонями по лицу. От носа к волосам. Раз. Другой. И с тихим стоном откидываюсь на резиновый валик.

Надо к маме на кладбище будет...

Додумать мешает телефон. Оборвав мелодию, он на пару секунд замолкает, а после разражается привычной мелодией, установленной на входящие звонки.

Нахмурившись: вдруг, что важное, перегибаюсь через край ванны, тянусь к полотенцу и наскоро вытираю ладони.

Хватаю с тумбы гаджет, смотрю на экран и замираю.

«Женя»

Брать? Не брать?

Сомнения раздирают душу.

Что бывшему любовнику от меня надо? Мы ж, так сказать, уже разобрались. До сих пор запястье побаливает, а перед глазами стоит его перекошенная бешенством морда.

Или не все угрозы еще высказал? Нашел, что добавить?

А я, идиотка, с какого фи́га не внесла его в ЧС? Знамо с какого. Тупо забыла. Без всякой задней мысли и надежды что-то воскресить. Просто этот псих после «разборок» мне ни разу не звонил, а я с головой ушла в срочные сборы и побег, вот и упустила возможность что-то сделать.

А теперь.

Взгляд сам собой мечется, не находя, на чем зацепиться. Ах нет, снова цепляется за синяки. Да так, что теплая вода в ванне не помогает. Тело покрывается мурашками.

А ведь он даже не считался с силой, когда меня хватал и швырял. Будто надоевшую игрушку. Гордость я его, видите ли задела, когда решила жизни поучить.

Сглотнув ставшую вдруг вязкой слюну, собираю всю смелость и смахиваю большим пальцем зеленую стрелку.

Ненавижу неведение. Да и зная Лазарева, лучше ему ответить. Иначе даже заброс в ЧС не поможет.

– Слушаю.

На удивление голос звучит ровно и ничем не выдает бури эмоций, взвихряющейся в груди.

– Ты где?

– Дома.

– Врешь!

Рык в первую секунду пугает, а спустя еще мгновение страх уходит. Я в настоящем доме. Родительском. В безопасности. А этот мудака за семьсот километров от меня.

Так что...

– Ошибаешься, Евгений, – позволяю себе ухмылку, – по вранью это ты у нас мастер. Жаль, раньше не знала, что даже черный пояс по пи...дежу у тебя есть.

– Кира!

Старается осадить.

Не действует. Но все же эмоции гашу, когда интересуюсь:

– Лазарев, что тебе надо?

Лучше выяснить это поскорее. Нет у меня желания затягивать с ним разговор.

– Поговорить. Я был не прав. Слегка погорячился.

Надо же... слегка. Смотрю на запястье, а затылок, как по заказу, простреливает фантомной болью. Будто я снова врезаюсь в стену.

– В какой конкретно момент погорячился, Евгений? Когда швырял меня? Или когда пытался изнасиловать? А, может, когда уничтожал моё дело?

– Прости... – не успеваю проникнуться коротким извинением, как следует железобетонное продолжение, – но ты сама меня вывела.

– Хах! – от такой наглости не удается сдержать смешок.

Ох ты бедненький.

Сходи, жене поплачься. Уверена, Люба тебя пожалеет.

Зажмуриваюсь и качаю головой. Бред. Какой же бред, а?

А еще в этот момент мне становится безумно жаль не себя и своё просранное впустую время на *не-мужика*, а жену Лазарева. Вот кто реально попал, так попал. Потому что эта милая женщина реально своего кобеля-мужа любит.

Любит. Всем сердцем. А он...

– Кира, я хочу тебя увидеть. Обещаю, мы поговорим спокойно. Я тебя больше не обижу. Девочка, ну, ты чего? У нас же все хорошо было. И будет дальше.

– А жена?

Не то чтобы я реально думала о продолжении, упаси боже от мудака. Мне Любу жалко.

– А что жена? – судя по голосу, Лазарев хмурится. – Жена была и будет. Она для статуса мне нужна. Я ж не рабочий с завода, сама понимаешь. Уровень. Статус. Обязанности.

О да, конечно. Разве ж такое забудешь, когда Женечка напоминает.

И как я раньше это мимо ушей пропускала?

Да потому что наивной влюбленной душой была. Слепой тетёхой. Припечатываю, не жалея собственной самооценки.

– А ты для души, Кир. Для сердца ... – продолжает тем временем бывший, не услышав от меня никаких возмущений.

Да и кому нужны эти возмущения, если разобраться?

Ему – не услышит.

Мне – тоже нет.

Я и так итог знаю. Его и озвучиваю.

– Не выйдет, Евгений. Встретиться и поговорить не выйдет. Продолжения тоже не выйдет. Ничего у нас с тобой не выйдет. И нас тоже больше нет. Схлопнулись. Так что будь любезен, сделай хоть что-то в этой жизни правильное – удали мой номер телефона и больше никогда не ищи.

– Кира, не глупи! Где ты? Я приеду и...

Не дослушиваю. Ни к чему.

– Далеко я. Так далеко, что твои руки вряд ли сюда дотянутся, – припечатываю, добавляя в голос резкости. – Прощай, Лазарев.

И больше не затягивая, скидываю его звонок и заново номер в черный список.

На душе сразу легко становится и спокойно... и вот теперь я практически удав.

Глава 11

МАКСИМ

– Да, умница... – удерживаю рукой светлую голову, работающую в районе моей ширинки. Пухлые губы, с наслаждением причмокивая и постанывая, скользят по члену, насаживаются до максимума, стараясь доставить мне наивысшее удовольствия.

Откинувшись на кресле, упираюсь затылком в подголовник, опускаю веки и сосредотачиваюсь на ощущениях.

М-м-м... хорошо...

Горячий влажный рот Алисы всасывает и вылизывает мой ствол с таким усердием, будто она не минет делает, а госэкзамен сдает, и от того, насколько хорошо справится, зависит ее жизнь.

Вспышкой молнии перед мысленным взором снова мелькают серо-зеленые, слегка раскосые глаза, аккуратный носик, персиковая кожа, похожая на бархат, и розовые губки, растягивающиеся в ехидной усмешке, демонстрируя ровные белые зубы, а затем в ушах снова звучит ее едкое: «Идиот!».

– Сука!

Матерюсь себе под нос и, не жалея Вяземскую, наматываю ее волосы на кулак.

Крепко фиксирую голову и начинаю вбиваться членом в рот до самого упора. Так, что она давится и скулит. Издаёт хрюкающие звуки и впивается тонкими пальцами мне в бедра, стараясь отстраниться. А не справляясь, оставляет следы от острых ногтей на теле.

Похер.

Сейчас я ее не вижу. Перед глазами стоит ядовитая кобра с жалом вместо языка. И именно ее дерзкий рот я затыкаю своим стояком.

Еще и еще раз. Затыкаю и зверею лишь сильнее.

– Терпи, – немного отстранюсь, давая Алиске вздохнуть, и снова забиваю член в ее глотку.

Двигаю бедрами, представляя вместо светлых волос шоколадные пряди, вместо голубых глаз чертовы ведьминские. Именно их обладательницу я деру, а она смотрит на меня снизу вверх и принимает всё, что даю, до последней капли.

Толкаюсь последний раз, не позволяя девчонке отстраниться, и выстреливаю ей в горло спермой.

– Глотай.

Дожидаюсь, пока она сделает, как я хочу, лишь потом освобождаю ее рот и выпутываю пальцы из волос.

Алиска закашливается, шумно втягивая воздух. Не двигается какое-то время, но отмирает, замечая, как, не глядя на нее, я натягиваю боксеры и джинсы.

– Макс, а я?

Подается ближе, все еще стоя на коленях и вытирая рот ладонью.

– В другой раз.

Опускаю взгляд на ее лицо. Размазанная по лицу тушь, припухшие красные губы, растрепанные обесцвеченные волосы, поволока в глазах.

Нет. Продолжения мне не хочется. Хотя, освободив яйца, голову так и не смог. Внутренний пожар, вспыхнувший три дня назад, а позавчера подкормленный новыми «дровишками», никак не угасает.

Коротит.

– Тебе не понравилось, Макс?

Алиска растерянно смотрит на меня.

– Ты – супер! – подмигиваю ей, улыбаясь, и киваю в сторону санузла. – Иди, приводи себя в порядок, докину до дома. У тебя пять минут.

– А...

– Четыре с половиной, – демонстративно смотрю на часы, – если ты хочешь со мной. Или сама? Ножками?

Выгибаю бровь.

Этого хватает.

– С тобой.

Вяземская срывается с места, несется в туалет, а я подхватываю со стола папку с документами. Через полчаса назначена встреча с новым поставщиком. Старый стал слишком задирать процент, наивно полагая, что он – один такой на свете.

Что ж, пусть и дальше считает. Сесть себе на шею я не позволю. И не с такими хитро-жопыми дела имел.

– Алиса, время, – повышаю голос, еще раз взглянув на часы.

И пусть до ресторана ехать минуты три, с заездом к Вяземской примерно семь, не могу дольше сидеть на месте. Интуиция настойчиво поторапливает запрыгнуть за руль и посильнее выжать газ.

С хера ли?

Не знаю.

Чувствую.

– Я всё.

Девчонка с улыбкой вываливается из санузла, когда я приближаюсь к выходу. Оглаживает упакованное в короткое летнее платьице сексуальное тело и медленно приближается, томно покачивая бедрами. Облизывает розовым языком губы, призывно заглядывает мне в глаза и тут же получает новый приказ:

– На выход.

– Ма-а-акс...

– Я опаздываю.

Пятки уже горят.

Хватаю Алиску за плечо и тяну за собой. Автосалон покидаем чуть не бегом.

Мой «прицеп» пытается что-то булькнуть, но я отвлекаюсь. Предупреждаю главного менеджера, где буду и когда примерно вернусь. Получаю заверения, что без моего присутствия справятся, – ну еще бы, тут все такие вышколенные, мама не горюй – и, выбравшись на улицу, снимаю лексус с блокировки.

Дожидаюсь, когда на пассажирском сидении щелкнет замок ремня безопасности, и ту же секунду трогаюсь с места.

– Макс, что ты решил? Примешь предложение деда?

Сжимаю зубы и мысленно усмехаюсь, чтобы не выматериться.

Последнего хочется больше. Но, как говорится, сам дурак. Надо было держать язык за зубами, а не ляпать по пьяни: ху из ху в этом городе.

У Алиски хорошая память и неумное желание лезть, куда ее никто не просит. Не то чтобы это как-то мне вредило, просто не люблю, когда переступают черту, за которой находится личное.

Сейчас она это делает.

– Не решил, – интонацией даю понять, что тема закрыта.

Вяземская вроде как проникается. Мы покидаем центр города, сворачиваем на набережную, где через двести метров расположен ее дом.

– Слушай, а я вот думаю...

Меня никоим образом не колышет, что она думает, но мат срывается с губ по другому поводу.

– Бл..дь! – рычу, когда замечаю знакомую худенькую фигурку колкой на язык фурии на парковой дорожке.

Какой-то мудака, схватив ее за шею, толкает к дереву и с силой в него впечатывает. Бред, но мне кажется, я слышу стон ее боли. И похер на музыку, играющую в салоне, и расстояние.

Слышу и всё.

Кожей.

– Максим, что? – вопит Алиска, когда я бью по тормозам.

Не реагирую, резко вывернув руль, сворачиваю к обочине, и, распахнув дверь, выпрыгиваю из салона. Лечу, не чуя под собой ног, перепрыгиваю через кованное метровое ограждение, плюю на тропинку, сокращая прямо по зеленому газону, и все равно понимаю, что опаздываю.

Тощий мудила в темном спортивном костюме пускается наутек, что-то унося в руках, а заноза моих мыслей медленно оседает на землю.

Глава 12

КИРА

Ох, ничего себе за хлебушком сходила. Счастье, что жива осталась.

Стараясь абстрагироваться и вернуть в положенное место трусливое сердце, которое почему-то вместо того, чтобы, как у всех, в момент опасности сбежать в пятки, рвануло к горлу и перекрыло кислород, опускаюсь на корточки и прислоняюсь спиной к стволу дерева.

Ноги, как желе, совсем не держат. Руки трясутся. Тело вибрирует от перенапряжения. Хочется зарыдать, чтобы хоть так выпустить напряжение, сковавшее тело похлеще смиренной рубашки.

Но вместо этого закрываю глаза, обхватываю побаливающую шею и стараюсь продышаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.